

A romantic close-up of a man and a woman in period clothing. The man, on the left, has a beard and is wearing a dark green suit with a white shirt and a dark tie. The woman, on the right, has long, wavy red hair and is wearing a white lace dress with a green floral pattern. They are both looking at each other with a soft smile. The background is a blurred green field.

Яна Колоколова

Кэйтлин

18+

Яна Колоколова

Кэйтлин

«Автор»

2015

Колоколова Я. В.

Кэйтлин / Я. В. Колоколова — «Автор», 2015

Что может быть общего у английского аристократа и обедневшей ирландки?
Любовь? Неприязнь? А, может быть, пари?

© Колоколова Я. В., 2015

© Автор, 2015

Май 1801 года. Лондон.

Глава первая

В ту ночь Кэйтлин¹ не спалось. Ее мучило предчувствие какой-то перемены, не важно к лучшему или к худшему, оно тревожит нас, часто задолго до того, как предвестники горя или радости вторгаются в нашу жизнь. Ей снилось, что она – девочка, бежит по берегу моря навстречу отцу. Во сне девушка застонала, она помнила, что отца уже давно нет, и осознание этой реальности вторглось и в сон. «Сейчас проснусь, и...он исчезнет...» Маленькая Кэйти бежала к отцу, мучительно желая очутиться в его объятиях, ведь это самое безопасное место на земле! Она так хотела ощутить его тепло и дыхание в своих волосах, когда он прижимал ее к груди. Она все еще помнила запах отца: странное сочетание запаха чернил и табака.

Этот сон снился ей уже много раз, возможно, потому что в памяти остались счастливые и ... одновременно грустные, воспоминания об их прогулках у моря. Во сне все моменты сливались воедино, образуя идеальный день, проведенный с отцом.

Все было столь отчетливым и ярким, Кэйти даже умудрилась во сне заметить оторванную от камзола пуговицу...

Кэйтлин проснулась. Часы пробили полночь. На лбу и щеках девушки выступила испарина. В глазах щипало. Она опять его потеряла, как тогда, когда ей было семь. Этот сон повторялся много раз подряд и всякий раз, когда она касалась отца, и должен был последовать мучительный момент счастья, девушка просыпалась!

Оглядевшись, Кэйти заметила, что забыла задернуть шторы, и всю ее комнату «залил» лунный свет, он пробивался сквозь шторы и в просвет между ними. Постель словно покрыли серебристой пылью.

¹Чистая (в переводе с ирл.)

В окно светила полная, как ни странно, песочно-желтая луна, похожая на огромный отполированный диск.

«Еще и полнолуние!» – фыркнула девушка. Наполовину ирландка, Кэйти была склонна верить в то, что в полнолуние с людьми могут происходить особенные, странные вещи. Например, ей вспомнилась старинная кельтская легенда о том, что как-то ночью в полнолуние молодой человек забрел на поляну, где увидел танец эльфов, замороженный он пустился с ними в пляс. Когда юноша очнулся, был уверен: прошло пару минут, на самом же деле минуло сто лет, и все, кого он знал, уже умерли.

Вера в сверхъестественное глубоко пустила в нее свои корни еще в детстве, которое Кэйтлин провела, в основном, на родине матери, в Ирландии, под присмотром бабушки Иде¹. Детство оставило в Кэйти самые чистые и сладостные воспоминания, которые, не потускнели, несмотря на то, что девушке уже исполнилось семнадцать, и она навсегда распрощалась с детской. Вот и тогда, вспомнив бабушку, девушка почувствовала, как глаза ее наполняются соленой влагой, но она быстро смахнула непрошеные слезы и решительно выбралась из-под одеяла. Не хватало еще начать плакать в собственной постели. Кэйтлин, вообще не свойственно было жалеть себя, в какой – то степени ее любимым философом был стоик Сенека. Его письма к друзьям она часто перечитывала, находя в них оплот постоянства, которого ей так не хватало порой.

Негоже было молодой леди бродить со свечой в руке по спящему дому, но у нее не оставалось выбора, как только спуститься вниз и выпить чашку теплого молока с медом, ведь это лучшее средство от бессонницы!

«Кэйтлин О`Браейн, – всегда говаривала Иде. – Если ты не можешь уснуть, и в голове твоей роятся сотни мыслей, словно шершни в гнезде – выпей кружечку теплого молока с десертной ложечкой цветочного мёда, и все, как рукой снимет.»

Кэйти усмехнулась, попыталась высечь искру, чтобы зажечь свечу, ей это удалось только со второй попытки, но цели своей девушка достигла, и вскоре, благодаря трепещущему

¹ Жажда (в переводе с ирл.)

язычку пламени, комната озарилась теплым светом. Кэйтлин накинула на плечи старенькую шаль и, выйдя в коридор, стала осторожно (ступени ужасно скрипели) спускаться вниз по лестнице. Она никогда не решилась бы на подобную дерзость, если бы в доме, помимо дам, обитали еще и джентльмены, но за отсутствием таковых, Кэйти рисковала наткнуться только на экономку миссис Селридж или на тетку мисс Милдред Пламм, сестру покойного ныне отца, но Кэйтлин нечего было стесняться пожилых леди, даже, если бы она и столкнулась с ними на маленькой кухне.

Мисс Милдред уже перевалило за пятьдесят лет, и ее лицо было похоже на сдобную булочку с изюмом, ситуацию не спасали ни накладные букли, ни ладно скроенные платья, а все потому, что мисс Пламм обожала сладкое и в свободное время, которого у нее было предостаточно, поглощала любимые десерты. К счастью для самой Кэйтлин, она была равнодушна к сладкому, предпочитая лакомствам каши, свежие овощи и фрукты, поэтому талия юной мисс была не более пятидесяти дюймов в окружности, а светлую кожу лица окрашивал персиковый румянец, свидетельствующий о здоровье.

Вообще Кэйтлин с легкостью можно было назвать красавицей, хоть и не классической. Внешность ее была притягательна. Есть лица, взглянув на которые лишь раз, вы запомните надолго, таковым было и лицо Кэйти. Роскошную гриву каштановых, с легкой примесью медного, волос Кэйтлин унаследовала от матери, Сэлли О`Брайен, как и глубокие карие глаза, а приятные черты лица, походка, стать, сложение достались ей от отца, Джаред Пламма.

Никто не думал, что Джаред когда-нибудь женится, ведь будучи юношей он предпочитал более всего веру и готовился к духовной карьере, но, встретив юную Сэлли О`Брайен, рыжую девушку с ямочками на щеках, он влюбился без памяти и увез ее в Лондон.

Джаред намеревался посетить будущий приход в Ирландии. Он приехал в мае, в пору цветения, но, похоже, заметил только цветение Сэлли, чья семья принадлежала к католическому меньшинству. Их любовь была страстной и неистовой. Они нарушили все правила, сблизившись, потому что он был протестантский пастырь, а она ревностная католичка. Сэлли заявила, что не может выйти замуж за приверженца англиканской церкви, и это притом, что уже носила под сердцем Кэйти. Джареду ничего не оставалось как отринуть религию и свое обеспеченное будущее. Жизненный путь молодой четы не был усеян лепестками роз, так как родители обоих супругов, мягко говоря, были против такого брака, а на самом деле посылали проклятия на голову своих заблудших детей. Иде, в последствии, обожавшая внучку, даже предлагала избавиться от нее, пока она была во чреве Сэлли, и выдать дочь замуж за «приличного ирландского парня». Это означало, что содержание маленькой семьи целиком и полностью легло на плечи Джареда.

Теперь думая обо всем этом Кэйтлин ощущала щемящую грусть. «Папочка». Он всегда был ее другом, не пытался наставлять и давить на нее, несмотря на то, что жизнь лишила его иллюзий. Чтобы прокормить семью он устроился работать на верфи, так как не мог должным образом задействовать свое духовное образование. Он был джентри, и работа в порту была ему не по силам, она окончательно подорвала его здоровье и потому, когда Кэйти исполнилось семь он уже был тем «потухшим» человеком, каким дочь его и запомнила. Он, как светлячок, всю жизнь летел на огонь, и сгорел от лихорадки за одну неделю. Сэлли ничего не оставалось,

как отправиться в Ирландию и просить помощи у родителей, ведь почти все, что Джареду удалось скопить ушло на оплату его похорон.

Первое впечатление Кэйтлин об Ирландии – это, бьющая в глаза изумрудная зелень холмов, ветра, продувающие насквозь и запах моря. А еще бабушка Иде, которая сразу приняла малышку за свою.

«Failte go hEirinn, garinion!¹» – сразу поприветствовала она Кейтлин, а Сэлли не сказала ни слова, только обняла.

¹ «Добро пожаловать в Ирландию, внука!» (в переводе с ирл.)

Иде рассказывала Кэйтлин старинные ирландские сказки, пела песни, зачастую мрачные, но даже они заставляли девочку смеяться и придумывать счастливый исход – столько в ней было жизнелюбия. Но, несмотря на это, друзей у девочки почти не было. До десяти лет она вообще общалась в основном, только с родными. Ее друзьями были, если так можно выразиться, придорожные камни, цветы, дождь, под которым она обожала танцевать. Чем заставляла Иде пугливо креститься. Кэйти часто выбегала за изгородь, окружавшую дом бабушки, и смотрела в даль. Кого или что она ждала – никто не знал, как того, что у нее был свой тайник, в котором хранилась тетрадь исписанная стихами собственного сочинения. Благодаря Иде Кэйтлин стала говорить на двух языках – ирландском и валлийском, не считая английского, хотя Сэлл этого не хотела. После смерти супруга, мать Кэйтлин, словно превратилась в камень, однажды Иде, которая никогда не хотела этого брака сказала Кэйти:

«Горечь переполняет сердце твоей матери, и я не знаю, что с этим делать, не знаю как вскрыть этот нарыв. Такое бывает, если теряешь половину своей души»

«Is e anam bleeding, agus nil a fhios agam cad a cabhru lei!¹» – прибавляла она. Почему-то Кэйтлин тогда ей сразу поверила, она представила, что одинокая половинка где-то блуждает, и ее надо вернуть. В детстве Кэйти часто забиралась к Сэлл на колени и заглядывая ей в лицо говорила: «Мамочка, я люблю тебя!» Ей казалось, что это может отогреть Сэлли, но это не помогало. К тому же вечная война Сэлли с родителями не прекращалась, она зависела от них и не могла с этим смириться, не хотела даже есть с ними за одним столом: ей казалось, что это они проклинали ее брак, и потому Джаред так рано умер. Все, что давали ей родители, все, что удавалось заработать тяжелым трудом белошвейки, мать Кэйти откладывала на ее образование.

¹. «Её душа истекает кровью, и я не знаю, чем ей помочь!» (ирл.)

Ее мечтой было отдать Кэйтлин во французский пансион для девочек, поэтому она даже согласилась на второй брак. Никто не знал, что творилось у нее на душе, когда она шла к алтарю, но цели своей Сэлл добилась: в одиннадцать лет Кэйти отдали в маленький пансион для девочек. Так началась ее новая жизнь. Кэйти помнила, как попрощалась с бабушкой и дедушкой, села в дилижанс, который довез ее до ближайшего городка, Килкенни, который был центром провинции Ленстер. Остановилась вместе с матерью на постоялом дворе. Она была напугана, потому что после смерти отца боялась перемен. И в какой-то мере ее опасения оправдались: в пансионе все было подчинено строгому распорядку, мадмуазель Дефорж, наставница девочек, несмотря на свою внешнюю легкость, требовала соблюдения железной дисциплины, за нарушение которой следовали удары линейкой по рукам. Это было больно и унижительно, ведь Кэйти никогда никто не бил, она даже хотела отомстить мадмуазель Дефорж, но, поразмыслив, передумала. Железный характер Кэйти помог ей со всем справиться и со временем она даже прониклась к учительнице уважением. Мадмуазель не требовала ничего невозможного, да, вставать нужно было в шесть, умываться холодной водой и заниматься гимнастикой, в девять следовал легкий завтрак, а в половине десятого начинались занятия, но зато в пансионе давали неплохие знания за умеренную плату, Девочек обучали арифметике, домоводству,

литературе, истории, французскому, музыке, рисованию. Все это могло им пригодиться, решив они сами зарабатывать на жизнь. Кэйти это понимала, и, зная, что приданного у нее нет, ценила то, что при случае сама сможет себя содержать. В пятнадцать она даже подумывала, не стать ли ей наставницей в подобном пансионе, или гувернанткой. Но тут объявилась тетя Милдред, единственная из родственников-англичан, пожелавшая общаться с дочерью Джареда. Она прислала Сэлли письмо, в котором просила отпустить Кэти пожить у нее в Лондоне. Она же старая и одинокая, у нее нет наследников, младший брат был ей как сын и тому подобное. Эта была возможность для Кэйти, возможность вернуться в город, где все начиналось, и она ею воспользовалась.

Глава вторая

Несмотря на молоко, с утра Кэйтлин проснулась с головной болью, а все потому, что звонил колокольчик мисс Милдред. Тетя вызывала ее к себе. Разумеется, с завтраком. Кэйтлин быстро оделась, ополоснула лицо ледяной водой из кувшина, пробежала щеткой по непослушным волосам и побежала на кухню, разумеется, не забыв надеть чепец, и, разумеется, все это время колокольчик продолжал звонить, изредка затихая и продолжая жалобным стоном.

– Завтрак готов, миссис Селридж? – бросила Кэйтлин экономке.

– Доброе утро, мисс Кэйтлин. Да, готов. – укоризненно посмотрев на девушку, отвечала старушка.

«Ох, уж мне весь этот церемониал!» – пронеслось у Кэйтлин в голове.

– Ну, простите, миссис Селридж! – она звонко расцеловала смущенную миссис в обе щеки и, захватив поднос, ловко поднялась наверх по лестнице.

Аккуратно постучав, Кэйтлин вошла в спальню тетки. Все здесь, казалось, говорило о том, что эти пенаты не знали мужского взгляда, как и сама тетя Милли: обои в мелкий цветочек, скромная серая обивка кресел – эта комната больше напоминала комнату девушки лет шестнадцати, а не престарелой леди. Но, возможно, со дня шестнадцатилетия мисс Пламм здесь ничего так и не поменялось? Ведь дом достался мисс Милли от родителей.

Сама старая мисс просыпалась рано и предпочитала завтракать в постели, ссылаясь на недомогание. Лишь бог ведал, чем она страдала: может мигренью, может ревматизмом или иной хворью, но все болезни начались у мисс Милдред лишь с приездом Кэйтлин.

И вот, уже на протяжении года, мисс Милли отказывалась спускаться к завтраку, и Кэйти, по обыкновению, поднималась к ней с подносом, пряча улыбку.

Кэйтлин давно поняла, что ее тетя неплохой человек,

просто она не в силах противостоять своим маленьким слабостям, и, по доброте душевной, охотно ей потакала.

– Как вы себя чувствуете, тетя? – уже не в силах сдержать веселость в голосе, спросила Кэйтлин. – Посмотрите, какой сегодня чудесный день! Весна. Солнце. Я могу открыть у вас окно, и вы почувствуете, как упоительно пахнет наш маленький садик!

– Нет, нет! Я простужусь, ты же знаешь... мои больные ноги.

Мисс Милдред натянула стеганное одеяло почти до подбородка.

– У меня сегодня все болит, Кэйти! Но я обязана с тобой поговорить. Нам предстоит очень важный разговор, ты понимаешь?

Зная особенность тети наводить тень на плетень, Кэйтлин напряглась. Неужели придется выслушивать длинную тираду? Но на этот раз ее тетя, видимо, решила быть лаконичной.

– Присядь рядом со мной, дитя и налей мне чаю! – бодро произнесла мисс Милли. Кэйтлин осторожно взялась за ручку изящного чайника, увитого розовыми бутонами. Тетушка Милдред не переносила, если кто-то проливал хоть каплю драгоценного напитка. Она предпочитала по утрам: чай, яйца всмятку и кексы с ореховой помадкой, а Кэйтлин приходилось ей

прислуживать и, заодно, выслушивать последние сплетни о соседях. Кэйти всегда удивлялась тому, как тете Милли удается по крупицам собирать информацию, несмотря на то, что, кроме церкви и собраний благотворительного общества, она нигде не бывала.

Мисс Милдред хитро прищурилась, и ее губы сложились в букву «О» – это означало пик эмоций- тетя о чем-то задумалась, или задумала что-то.

– Кэйтлин, – сказала она, сделав глоток чая (она впервые назвала Кэйти ее полным именем). – ,Это касается тебя, то , о чем я хочу поговорить. У меня есть для тебя потрясающая новость: я продала некоторые свои драгоценности и...теперь со всей ответственностью могу тебе сказать – мы можем позволить себе новый экипаж!

– Что?!– Кэйтлин с трудом вспомнила, что неприлично держать рот открытым. – Тетя, я так рада, вы даже себе не представляете! Но зачем вы продали драгоценности, мы обошлись бы как-нибудь... мы редко выезжаем.

–Вот именно. Почти не выезжаем. Вспомни ,куда мы ездили за последний месяц, а все потому, что в наш старый экипаж страшно садиться, он же просто может развалиться на ходу!

–Вы хотите сказать, что теперь мы будем появляться в обществе?

– Не мы, а ты. Ты должна побывать хотя бы на одном сезоне. Ты должна блистать Кэйти, с твоей-то красотой...

–Тетя, я не считаю себя красавицей.

–И напрасно. Ты взяла все самое лучшее от обоих родителей: яркость от матери, а черты лица и фигуру от отца. Ты- яркий цветок Кэйтлин. Роза в саду. И кто-то должен эту розу сорвать, я имею ввиду, то, что ты должна выйти замуж, хоть ты и бесприданница.

–Сомневаюсь, тетя. Вы говорите, что я красива, но в свете много красавиц, причем с деньгами.– вздохнула Кэйти.

– А кто говорит, что ты станешь женой лорда? Твоим мужем может стать и небогатый человек из приличной семьи, с хорошей фамилией.

Кэйти нередко думала о замужестве, наверное, как и все девушки ее возраста, но все ее мысли по этому поводу были на редкость туманны: то муж представлялся ей примерным семьянином, то, прямо-таки, лордом Байроном, мятежным, творческим, с пытливой и трепетной душой и необыкновенным интеллектом.

Все это было детскими фантазиями на тему и сейчас, когда тетя, вдруг, заговорила о замужестве всерьез, Кэйти смутилась. Но потом заставила себя смело улыбнуться:

– И куда же мы отправимся первым делом? – спросила Кэйтлин.

– Я думаю, в оперу. Ковент Гарден – это место, где собирается весь цвет хорошего общества.

Сердце Кэйтлин забилося сильнее: дело в том, что за год жизни в Лондоне она почти нигде не была, стесненность в средствах не позволяла ей появляться в обществе или принимать у себя гостей, а немногие знакомые тети Милли интереса как женихи не представляли. Кэйтлин всегда гордилась тем, что не витает в облаках, а крепко стоит на земле, ее мечты хоть и были наивны, в принципе были вполне осуществимы. Конечно, не Байрон...но... Она лишь хотела стать достойной супругой человека порядочного и быть может...мягкого, поскольку ее характер мягкостью не отличался, она привыкла обо всем иметь свое суждение, которое конечно же не всегда озвучивала, но тем не менее мужа- тирана Кэйтлин бы не потерпела, особенно, если бы он стал попрекать ее отсутствием приданного. Несмотря на слова, Кэйтлин в глубине души знала, как она красива и была уверена в том, что может стать, если не жемчужиной в короне, то по крайней мере – украшением собственной семьи.

И, как любая девушка, всячески старалась подчеркнуть свою красоту, но в последнее время она заметила, что ее более чем скромные платья поизносились окончательно. Теперь же мысль об опере окончательно вогнала ее в тоску. Ну как она сможет там появиться в одном из своих вышедших из моды платьев? Она же не золушка в конце концов.

Увидев как Кэйтлин нахмурилась, тетя не преминула спросить:

– Что такое, дорогая? Ты не рада?

– Я в восторге, тетушка, но... мне нечего надеть, совсем. Ни одного хорошего платья.

– Да. Мы ведь тебе ничего не покупали. Я думаю тебе стоит провести ревизию, возможно, какое-то платье можно переделать.

– Но тетя, я сомневаюсь... в последнее время я покупала лишь ленты да шляпку, вы же знаете...

– Кэйти, не спорь, лучше проверь, уверена – ты о чем-то забыла. Иди же.

Тетя Милли была иногда скуповата, она могла вложиться по-крупному, в такую вещь как экипаж, но тщательно следила даже за расходом свечей в доме, не говоря уже о тратах на гардероб. Кэйтлин ничего не оставалось, как подчиниться.

Напевая старинную песенку, Кэйти поспешила к себе в комнату, чтобы пересмотреть все свои туалеты и выбрать подходящий для оперы, если таковой найдется. Но спустя полчаса после примерок, Кэйтлин еще раз убедилась, что ничего подходящего у нее нет. Все платья были сшиты для пансиона, в котором она училась. В основном, все слишком темное и мрачное.

После Великой Французской Революции мода сильно изменилась, в гардероб леди на смену шелку, атласу, бархату стали проникать простые ткани, такие, как батист, муслин. Уже не модно было подчеркивать свое богатство роскошью туалетов, все стало несколько демократичнее. Кэйтлин осталось уповать на то, что это на руку им с тетей, и новые туалеты могут быть приличными и недорогими.

После долгих уговоров тетя все же согласилась, что им обеим нужны новые платья. (Ах, избежать расходов не удастся!)

Оставалось найти хорошую модистку, к счастью, Кэйтлин знала к кому обратиться. Правда, для этого придется ехать в Ист-Энд¹, квартал Лондонской бедноты, но это место вполне приличное, по сравнению с Уайтчепел², например. В Ист-Энд жила Софи, Софи Дефорж – дальняя родственница наставницы Кэйтлин по пансиону. Она посоветовала Софи в качестве модистки, когда узнала, что Кэйтлин собирается в Лондон.

Как и Сильвин Дефорж, Софи была беженкой, после революции, Робеспьера, Франция, истекающая кровью, исторгла из себя большое количество людей, словно нежеланное дитя. И многие из них осели на берегах туманного Альбиона, перебиваясь чем придется, продавая за смехотворную цену свои фамильные драгоценности, труд, а женщины – красоту.

¹ Ист-Энд – Восточная часть Лондона, район, где селились иммигранты.

² Уайтчепел – район Лондона, известный своими трущобами.

Софи предпочла честный труд продажной жизни, и Кэйтлин в душе уважала девушку за такой поступок.

Кэйти выросла почти в бедности, но ей никогда не приходилось голодать или познать, что такое остаться без крова.

Кэйти считала, что на месте Софи, поступила бы также, но представляя все трудности юной француженки весьма отдаленно, искренне сочувствовала ей, хотя тетя всю дорогу твердила, что обратиться к эмигрантке – это большая глупость.

«Что у нас своих модисток не хватает, англичанок?» – говорила она.

«Я доверяю вкусу мадмуазель Дефорж!» – упрямо твердила Кэйти всю дорогу. Разговоры смолкли, когда дамы оказались на месте.

То зрелище, которое предстало глазам Кэйтлин в Ист-Энд, потрясло ее. В противоположность Вест-Энд, где жила сама Кэйти, здесь царила не то чтобы ужасающая беднота, а скорее безысходность и тоска бедности, может быть, сказывалась близость к Доклендс¹. Многие,

как и отец Кэйтлин, вынуждены были приниматься за самую тяжелую работу в порту. Пахло соленой влагой залива и помоями. Когда Кэйтлин выходила из экипажа, она чуть было не ступила в нечистоты. Тетя Милли прижимала платок к носу и что-то твердила об обмороке. Кэйти взволнованно посмотрела на нее, без посторонней помощи ей не водрузить это тело в экипаж, случись обморок на самом деле. Но, кажется, тетушке удалось выстоять. Они с Кэйтлин пересекли довольно широкую улицу и постучали в кривую дверь приземистого дома. Тишина. Кэйти смело потянула за ручку и вошла.

– Одну минуту! Я еще не закончила примерку!– послышался мелодичный голос без акцента. Тетя Милдред не стала церемониться и отодвинула занавеску, отделяющую крошечную прихожую от другой комнаты.

¹Доклендс – Территория к востоку от центра Лондона, зона старого порта.

Глава третья

Смущенная ее поступком, Кэйтлин подняла глаза и на секунду встретилась с сердитым взглядом молодой девушки. Почему-то она сразу поняла, что перед ней Софи. И дело было не в природном сходстве Дефоржей, просто Кэйтлин стало очевидно: перед ней не простолюдинка.

Темные глаза француженки пылали гневом, который, впрочем, быстро погас, было видно, что Софи умеет прятать свои чувства.

– Что вам угодно, дамы?– с улыбкой спросила Софи.

Кэйтлин сразу нашлась с ответом:

– Мы бы хотели заказать у вас платья, если вы покажите эскизы, конечно.

– Вы хотите сшить платья по моим эскизам? – в глазах Софи на мгновение промелькнуло что-то, потом спряталось за улыбку.

– Присаживайтесь, прошу вас!– Софи пододвинула для женщин старую банкетку и без смущения протерла ее носовым платком.

Мисс Милдред с ее пышными формами умудрилась сесть на самый край, с ужасом оглядывала комнату и не отнимала платка от носа. Кэйтлин, напротив, устроилась поудобнее и огляделась.

Когда они несколько бесцеремонно вошли, Софи, видимо, заканчивала примерку скромного платья из шерстяной ткани, самой дешевой. Клиенткой была женщина не молодая, лет тридцати пяти. На лице ее уже прорезались первые морщины, а, когда она улыбнулась, стало видно, что у нее не хватает нескольких зубов.

– Я пойду, Софи, ты ведь уже закончила?– она была явно смущена присутствием дам из другого слоя общества. Простолюдинка. Одна из тех, кого большой город поглотил а затем вытолкнул на обочину жизни. Она была уже не юна и потому не могла найти себе хорошего места. Да к тому же, наверняка, обременена детьми, которых нужно кормить; муж, наверняка, наставляет тумачков. Кэйти отвела глаза, не то чтобы она не видела бедняков в Ирландии, но там, где они жили, ты мог хотя бы надеяться на урожай картофеля, например, хотя в сельских районах тоже царила ужасающая бедность.

А вот Софи, похоже, ничего не смущало.

– Конечно, Анна, платье будет готово к среде.– Быстро проговорила Софи.– Не волнуйся, заплатишь за него частями.

Когда Анна вышла из комнаты, тетя Милдред тоже вздохнула с облегчением, хотя ее, кажется, смущала еще и сама обстановка.

Кэйтлин заметила, что в комнате нет мебели, ничего, кроме банкетки, на которой они сидели, и стола. Обои были жутко грязными, но пол чисто выметен и, даже, выскоблен. В очаге пылало единственное полено, но в комнате было почти так же прохладно, как на улице, окно

наполовину законопачено. В маленьком сундучке, видимо, хранилось все имущество Софи. Сама хозяйка уже деловито открыла папку с эскизами, она, судя по всему, ничего не стеснялась: ни обстановки, ни залатанного передника и чепца – одежды простолюдинки. Кэйтлин не могла понять, почему тетя прижимает платок к лицу – в комнате приятно пахло. Девушка не могла понять, что это, но запах был знакомым и сладким.

– Тетя, почему вы прижимаете платочек к носу?– прошептала Кэйтлин.

– Мне дурно!– довольно громко сказала тетя Милдред.

– Может, принести вам воды?– живо осведомилась Софи.

– Да, пожалуй...– пролепетала мисс Пламм.

Щеки Кэйтлин покрылись красными пятнами:

– Мне стыдно за вас тетя! Почему вы ведете себя так!

– Стыдно?! Тебе? Вот еще! Здесь ужасно,– простонала она.– Это какая-то дыра, что мы здесь делаем..? Почему я иду у тебя на поводу?

– А я понимаю, что мы здесь делаем! – Кэйтлин гордо вскинула голову.– Софи отличная портниха, это видно даже по тому, платье, которое она шьет для той простой женщины, что была на примерке.

Тихо! – прошептала Кэйти и толкнула Мисс Пламм в бок.– Она идет! Прошу вас, помолчите.

Софи вошла, как ни в чем не бывало, но, почему-то Кэйти показалось, что она слышала их с тетей, просто не подает виду.

Тетя Милли сделала над собой усилие и приняла из рук Софи стакан с водой. Она сделала пару глотков, и все принялись за эскизы.

Они были несколько схематичны, не все детали прорисованы, но угадывалась общая мысль, и Кэйти показалось, что в ней есть новизна.

– Сейчас популярен ампир.– Начала пояснять Софи.

– Это французское веяние?– осведомилась Кэйтлин.

– Да. Ведь все прекрасное рождается у меня на родине.– Гордо заявила Софи.

– Я даже в этом не сомневаюсь, моя милая!– воскликнула мисс Пламм. Ее слова прозвучали так, как если бы она сказала: «Что за вздор!»

Кэйти тайком подмигнула Софи, и тотчас между девушками установился негласный договор. Софи продолжала. Она показывала эскизы и комментировала их.

– В моду вновь входит античность, это очень интересно, нечто подобное можно увидеть и в прическах, и в туалетах дам. Платья с чуть завышенной талией, ниспадают свободными складками, пышные юбки не в моде. Лиф с изящной линией декольте украшают изящной вышивкой, лентами; руки, как правило, остаются открытыми...

После долгого обсуждения фасонов, тканей, фурнитуры, украшений и цены, наконец-то, были заказаны четыре платья.

Два для мисс Пламм и два для мисс О'Брайен. Впереди были многочисленные примерки и сопутствующие им приятные хлопоты.

Теперь на каждую примерку Кэйти ехала, как на праздник, она часами готова была стоять в прохладной комнатухе Софи, а в голове у нее играла мелодия вальса. Она представляла себя танцующей в паре с молодым лордом или даже пэром Англии, покоренным ее красотой, ей мечтался скорый брак; предложение руки и сердца обязательно делается на рассвете, после конной прогулки, когда румянец азарта еще играет на щеках, первый луч зари делает ее локоны похожими на волшебный шелк, глаза сияют, как агаты, и **он**, непременно, встает на одно колено и бросает к ее ногам букет пышных роз, розовые бутоны... Но тут Кэйти, как правило, бывала отрезвлена уколom булавки, либо необходимостью переменить позу.

Наблюдая за работой Софи, она не могла не восхищаться, и однажды решилась спросить:

– Софи, скажите, это трудно, научиться вашему ремеслу?

Софи вздрогнула и подняла глаза, во рту у нее торчали булавки, она быстро убрала их и отрывисто сказала:

– Моя матушка шила намного лучше меня, а уж от ее вышивок вообще невозможно было оторвать глаз. «Ты вечно витаешь в облаках, Софи!» – говорила она. – «Так ты не заработаешь и пенни в этой стране!» Это были ее слова, но ...она ошибалась, я тоже кое-чему научилась, а нищета заставляет трудиться. Кэйтлин прикусила губу:

– Я не говорила, как нашла вас Софи, это было...по рекомендации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.